

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е27

Составление *Евгения Евтушенко*

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)»

Фотография на обложке:

© Николай Малышев / Фото ИТАР-ТАСС

В оформлении книги использованы фотографии из личных архивов *Евгения Евтушенко, Юрия Нехорошева*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Евтушенко, Евгений Александрович.
Е27 Собрание сочинений. Т. 8 / Евгений Евтушенко. — Москва : Эксмо, 2018. — 640 с. — (Собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-96958-6

Собрание сочинений Е.А. Евтушенко представляет творчество выдающегося поэта и писателя во всей полноте, подытоживает все лучшее, что он сделал за свою жизнь: любовную и гражданскую лирику, 22 эпические поэмы, по которым можно изучать и историю России, и жизнь всего человечества. Ведь он выступал с чтением стихов, помимо всех регионов родины, в 96 странах, и его стихи, переведенные на 72 зарубежных языка, учили людей во многих странах свободному незашоренному мышлению, разрушая железный занавес. В книгу включены стихотворения и поэмы 1991–2000 годов, и в XXI веке звучащие современно, социально значимо, и редко публикующийся сценарий «Конец мушкетеров».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96958-6

© Евтушенко Е. А., наследник, 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Стихотворения и поэмы
1991–2000 годов

1991

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

Генеральный прокурор СССР В. Трубин в своей статье в «Правде» от 3 мая 1991 года полностью оправдал массовый расстрел рабочих в Новочеркасске в 1962 году.

Земной поклон за новый приговор.
Его обосновали вы кургузо,
не генеральный прокурор Союза,
а просто генеральский прокурор.
Тот город на крови — Новочеркасск
расстрелянной свободы стал надгробьем.
Но в шестьдесят втором здесь началась
народная война с антинародом.
Как были люди там доведены,
когда самоубийцы-россиянки,
прижав детей к груди,
пошли на танки,
под пули своей собственной страны!
Скажите,
генеральский прокурор,
неужто вам на миг не стало зябко,
когда скоросшиватель проколол
рабочих трупы,
втиснутые в папку,

Евгений Евтушенко

не брызнула на вас
  кровь сквозь нее
на золотомундирное шитье?
(У прокурорской папочки
тесемочки кальсонные.
Молчите,
трупы,
в тряпочки —
вы правильно казненные.
Пристукнули старушечку?
Сидела бы по-тихому.
А кто попал в психушечку —
те вправду были психами.)
Спасибо,
генеральский прокурор.
Вы описали с жаром патриота
и всю педагогичность пуль в упор,
и всю преступность бунта против гнета.
Я расшифрую ваши же слова:
«стреляющая власть всегда права».
Вам не союзник Пушкин.
Он воспел
свободу,
  но не в рупор с бронебашен.
Не только русский бунт,
  но и расстрел
бесмысленный и беспощадный страшен.
Террор был красным, белым,
  но ничуть
друг с другом не устали мы сражаться.
От Ленского расстрела краток путь
до ленинских расстрелов на гражданской.
Кровь подмерзала быстро, как могла.

Такой уж климат, где тепло — в посулах,
и «оттепель» хрущевская была
с новочеркасской кровью на сосульках.
Как пересотворить вражду в любовь, —
в любовь без автоматов наготове?
Россия,

станешь ты великой вновь,
лишь отказавшись от великой крови.
И женщины России гениальные,
прижав детишек в новый страшный час, —
вот наши прокуроры генеральные.
Не дай нам Бог,
они осудят нас.

1991

В. Трубин был вскоре снят с должности Генерального прокурора. Данное стихотворение сыграло в этом не последнюю роль.

НЕПОТРЕБСТВО

Политическое непотребство
наше русское небо трясет,
и у каждого неботряса
политес невысоких высот.

Вся дешевая эта шумиха
непотребна, как заросли брюх,
как расстегнутая ширинка,
как завязки кальсон из-под брюк.

Вся политика наша — дочка
коммуналки, подвалов ЧК,
оболванивающего детсадошка
и — на столькие дупы — «толчка».

Вся политика наша — помеха,
чтоб не смели пробиться умы,
растеряха людей, неумеха,
попрошайка с амбициями.

Все пророки в ней — йети, изгои.
В ней для гения нету угла.
Но скажите, а разве другую
быть политика наша могла?

1991

ПОТЕРЯ

Потеряла Россия

в России

Россию.

Она ищет себя,

как иголка в стогу,

как слепая старуха,

бессмысленно руки раскинув,

с причитаньями ищет

буренку свою на лугу.

Мы сжигали иконы свои.

Мы своим не верили собственным книгам.

Мы умели сражаться лишь с пришедшей бедой.

Неужели не выжили мы

лишь под собственным игом,

сами став для себя

хуже, чем чужеземной ордой?

Неужели нам жить суждено

то в маниловском, молью побитом, халате,

то в тулупчике заячьем драпом

с плеча Пугача?

«ОТКАЗНЫЕ БАБУШКИ»

В больницах после долгой барщины
дни доживают без родни
России «отказные бабушки»,
больным-больны, одним-одни.

Им прятать в жизни, право, нечего,
обжив казенную избу,
да вот припрятывают свечечки
для пальцев собственных в гробу.

Да только тумбочки их личные
в себе таят, не запершись,
рушник и мыло земляничное,
рубаху, чистую, как жизнь.

И смоем все морщины, оспины
всевозвышающим концом,
когда предстанут перед Господом
их души с девичьим лицом.

А внуки где-то депутатствуют,
и дипломатствуют, и пьют,
сбежав от бабок святотатственно
в такой палаческий уют.

Но вдруг, как Божье наказание,
с поднятым старческим перстом,
прорвется в Кремль или в Танзанию
их бабушек предсмертный стон?

Так чья в том, внученьки, вина,
что, певшая нам «баю-баюшки»,

Россия — отказная бабушка
больным-больна, одним-одна?

1991

*История эта рассказана моей женой Машей, работавшей
в то время в Кунцевской больнице.*

ПОДНЕВОЛЬНАЯ ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПРЕССА

И. Р и ш и н о й

Подневольная вольная русская пресса
крепостная актриса была —
не принцесса,
но умела играть и в навязанной пьесе
так, что даже не снилось и западной прессе.
Подневольная вольная русская пресса,
словно Пушкин, была на прицеле Дантеса,
но Дантеса,
размноженного на сотни,
не из Франции,
а из родной подворотни.
Принимать по-палачески роды дерзнула
повивальная бабка свободы —
цензура,
доказав нам тюремной черняшкой —
не сдобой,
что свобода воспитывается несвободой.
Главный цензор, как будто блокадная крыса,
в «Новом мире» в печенку Твардовскому вгрызся.
Черносотенцы взъелись, как лютые урки,
«Бабий Яр» не простившие «Литературке».
Но недаром шел бой
и идет без пощады.

Первые некрепостные
из актеров сов. России
вы, Любимова птенцы.
Был театр такого рода,
как внутри тюрьмы — свобода.
Вы — таганская порода,
бунтари и сорванцы.

На дощатой плахе-сцене
рвал Высоцкий грудью цепи,
и лучился, заводной,
легкий, звонкий, без натуги,
золотой наш Золотухин,
золотистый, золотой.

Всей системе в морду въехав,
Зина Славина и Смехов
нам внушали веру в нас.
Джабраильчик, Шаповалов,
с остротой кристалла Алла —
вот кто нас в застое спас.

Нагадала так цыганка:
весь твой шумный век, Таганка,
жить на лезвии ножа
и хранить во всех осадах
вечный дух шестидесятых —
дух надежд и мятежа.

Еще вспомнят наши внуки
о любимовской науке,
что свобода — Божий дар,
о веселой хулиганке —